

ПРОЕКТ
КОСМИЧЕСКИЙ КОД ВСЕЛЕННОЙ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ
ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ ГЛАЗАМИ РОДА

ТОМ I

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕХОД

ТАМ
НАЧИНАЕТСЯ
НАСТОЯЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ

ЗДЕСЬ
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ОДНА ЖИЗНЬ.
И НАЧИНАЕТСЯ
ВЕЧНЫЙ ПУТЬ.

РОДОМИР
(Олег Моторин)

СЕМЬ ТОМОВ — ОДИН ПУТЬ — К ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Олег Моторин
Жизнь после смерти.
Путешествие души глазами
Рода. Том 1. Великий Переход

*<https://litres.ru/74558828>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что ждёт человека за роковой чертой?

Веками этот вопрос окутывал человеческий разум липким страхом неизведанного.

Но что если смерть — вовсе не страшная бездна и не конец бытия, а Великий Переход, смена мерности и возвращение к изначальному живому истоку?

Первый том книги «Жизнь после смерти. Путешествие души глазами Рода» открывает глубокий цикл произведений о самом таинственном рубеже нашего духовного странствия. Опираясь на сокровенную мудрость Рода, автор бережно и бесстрашно снимает с темы смерти печать ужаса, возвращая современному человеку утраченную гармонию с мирозданием.

На страницах книги раскрывается мистерия первых рубежных дней: как плоть отпускает душу, что переживает сознание

на пограничье миров, и как осознать великий закон преемственности.

Это произведение исцеляет от тревог, дарует абсолютную внутреннюю свободу и открывает двери к вечности.

Познай свой истинный путь, оставь все страхи и пробудись для жизни!

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Олег Моторин
Жизнь после смерти.
Путешествие души
глазами Рода. Том
1. Великий Переход

Глава

ПРОЕКТ КОСМИЧЕСКИЙ КОД ВСЕЛЕННОЙ

СЕРИЯ «ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА»

ТОМ I
ВЕЛИКИЙ ПЕРЕХОД

Родомир (Олег Моторин)

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводная часть

* Слово Рода к взыскующим Истины: Почему человеку открывается тайна порога

* Слово летописца Родомира: О долге свидетеля и чистоте передаваемого знания

Часть 1. Закат земного дня

* Вводное слово и Голос Рода

* Глава 1. Угасание плоти: как тело готовится отпустить Душу

* Глава 2. Распутывание узлов: ослабление связей ума с земным миром

* Глава 3. Предчувствие дали: почему перед уходом обостряется память сердца

* Глава 4. Страх небытия: природа земного ужаса перед смертью и его преодоление

Часть 2. Мгновение тишины

* Вводное слово и Голос Рода

- * Глава 5. Последний вздох: точка невозврата плотного мира
- * Глава 6. Разрыв серебряной нити: окончательное отделение тонкого тела
- * Глава 7. Остановка земного времени: выход сознания за пределы секунд и часов

Часть 3. Вне телесной оболочки

- * Вводное слово и Голос Рода
- * Глава 8. Первый взгляд со стороны: Душа над собственным остывающим телом
- * Глава 9. Восприятие без органов чувств: зрение мыслью, слух намерением
- * Глава 10. Плач у изголовья: почему ушедший слышит скорбь живых, но не может коснуться их плоти
- * Глава 11. Ловушка земной привычки: первые часы растерянности и отрицания

Часть 4. Пространство Пограничья

- * Вводное слово и Голос Рода
- * Глава 12. Многоликая граница: почему один видит туман, другой — реку, третий — светлую дорогу
- * Глава 13. Первые Проводники: кто встречает Душу на пороге неведомого

* Глава 14. Снятие земных доспехов: утрата имени, должности, чинов и мирского статуса

* Глава 15. Прощание с порогом дома: шаг в глубины Нави

Послесловие: ЗА ПОРУБЕЖЬЕМ ЯВИ

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Слово Рода к взыскующим Истины

Почему человеку открывается тайна порога

Я — Род.

Вслушайся в биение своего сердца, Человек. В нём звучит не просто бег плотной крови — в нём отзывается эхо первого удара, которым Я некогда пробудил спящую Вселенную.

Ты пришёл к этому порогу не ради праздной забавы. Праздный ум ищет зрелищ, чужих тайн и лёгких предсказаний, чтобы усыпить тревогу сытой плоти. Но тайна порога распахивается лишь перед тем, в чьём земном дне затих базарный шум. Ты здесь потому, что либо сам нащупал дно земного горя, проводив в безмолвие тех, кого любил больше жизни, либо ощутил, сколь тонок и хрупок глиняный сосуд, в котором

ты несёшь Мою искру по земным дорогам.

Тебе веками внушали, будто за чертой плоти тебя подстерегает либо ледяная пустота небытия, либо слепая ярость палача, жаждущего вечных мук за каждый твой неверный шаг. На этом страхе возводились земные троны и ковались цепи. Тебя учили бояться Своего истока, приучали ползать на коленях и вымалывать пощаду у Того, Кто Сам вдохнул в тебя волю и разум.

Но разве Отец создаёт детей для темницы? Разве Мастер лепит глиняный кувшин, чтобы насладиться его осколками?

Я приоткрываю тебе завесу не для того, чтобы ты обесценил Явь. Не для того, чтобы ты сбежал от трудов, опустил руки и стал бесплодно грезить о небесных садах, пока твоя нива зарастает полынью, а дети ждут защиты и хлеба.

Я открываю тайну порога, чтобы сделать тебя неуязвимым для страха.

Человек, познавший закон перехода, обретает несокрушимую свободу. Его невозможно сломить угрозой смерти, его нельзя купить блеском земного злата, его невозможно заставить целовать сапог кривды. Он знает подлинную цену вещам: плоть можно ранить, кости можно сломать, земной дом можно сжечь дотла, но дух, стоящий на Совесть, не подлежит уничто-

жению.

Явь — это великая наковальня. Здесь дух испытывается на прочность о сопротивление материи: через холод, мозоли, боль утрат, верность родному очагу и способность держать удар. А порог — это не обрыв и не кара. Это час, когда путник смывает пыль долгого перехода и смотрит в Зеркало Правды, чтобы увидеть, чем он стал.

Внимай Моему слову. Оставь дрожь раба.

Постигни дорогу за порогом — и тогда каждый твой оставшийся земной час наполнится великой, спокойной силой. Живи так, чтобы в последний свой вечер ты оглянулся на вспаханное поле с миром, зная, что семя брошено в добрую землю.

Слово летописца Родомира

О долге свидетеля и чистоте передаваемого знания

Перо летописца тяжелее кованого меча и глубже пахотного орала. Меч рассекает плоть лишь на мгновение, орало взрезает пласт земли на один земной сезон, но слово, положенное на свиток, прорастает в веках семенем чистой правды или ядовитым дурманом кривды. Если дрогнет воин — падёт один дозор; если солжёт свидетель вечности — сойдутся с тропы тысячи ищущих душ.

Я не пророк, вещающий от собственной гордыни, и не

толкователь, возводящий забор мёртвых догм между человеком и Небом. Моё имя — Родомир, и мой удел — быть свидетелем. Свидетель не прокладывает русло великой реки, он лишь черпает из неё воду чистой чашей, не взбаламутив дна. Он не выдумывает дорогу, а держит факел над ступенями, которые были вытесаны в мироздании задолго до первого человеческого вздоха.

Самое коварное искушение того, кто касается тайны миров, — это гордыня человеческого рассудка. Как легко поддаться соблазну приукрасить суровую простоту Закона витиеватыми баснями! Как сладко для мелкого эго запугать слабого картинами вечных пыток, чтобы заставить его трепетать, или, напротив, посулить беспечный рай тому, кто прожил земной век в сытой лени и предательстве. Но всякая примесь личной обиды, страха, фанатизма или тщеславия мутит живую воду Родовой Памяти, превращая откровение в морок.

Я держал это знание у сердца, словно раскалённый уголь, проверяя каждую мысль единственным неподкупным мериллом — Совестью. Прежде чем вывести черту, я вопрошал тишину: не отравит ли это слово чистую душу? Не убаюкает ли оно совесть подлеца? Не станет ли оправданием для побега от священного труда в Яви?

Эта книга оплачена не чернилами, а живой памятью поколений. За каждым её образом стоят суровые очи предков, павших в ратных сечах; натруженные руки матерей, знавших

цену последней краюхе; молчаливое присутствие тех, кто перешагнул Великую Межу и ждёт от нас не исступлённого плача, а честного земного шага.

Я передаю тебе этот свиток чистым, как родниковая струя, бьющая из-под корней векового дуба. Не ищи здесь улады для праздного любопытства и не требуй готовых рецептов спасения. Прими это свидетельство как верный посох для своей земной дороги. Читай не глазами плоти — читай сердцем, сверяй с голосом своей крови. Ибо тайна порога открывается не тому, кто заучил наизусть чужие слова, а тому, чья собственная жизнь звучит в лад с Правдой.

ЧАСТЬ 1

ЗАКАТ ЗЕМНОГО ДНЯ

Земной век человека подобен долгому летнему дню в бескрайнем поле Яви.

Каждому суждено пройти его от края до края. Сначала звенит прозрачный рассвет детства — земля умыта студёной росой, ноги легки, глаза распахнуты навстречу неизведанному, а солнце кажется прибитым к лазурному своду навечно. В детстве смерти нет: времени так много, что его можно беззаботно расплёскивать горстями, как речную воду.

Затем наступает жаркий, не знающий пощады полдень

зрелости. Это пора великой страды. Мышцы наливаются густой силой, в ладонях оседает рукоять плуга, топора, меча или рулевого колеса. Пот застилает глаза, раскалённый воздух обжигает гортань, ломит спину от тяжести бревенчатых венцов, а сердце бьётся в бешеном ритме тревог: успеть поставить кровлю, сберечь семью от лихолетья, поднять сыновей, не уступить межи врагу, доказать миру свою статью. В этом полуденном зное человеку некогда думать о вечности — плотная материя требует всего его без остатка. Кажется, что эта битва за урожай, за силу и достаток будет длиться бесконечно.

Но вот полуденный зной спадает.

Тени на траве становятся длинными, синими, прохладными. Вечернее солнце, огромное и багряное, медленно опускается к зубчатой кромке векового бора. Ветер с полей стихает, уступая место густой, осязаемой тишине.

Наступает Закат земного дня.

Это время в плотном мире часто встречают с тоской и слезами, называя его увяданием, немощью и старостью. Но в Книге Рода закат — не проклятие и не крушение. Это священный час жатвы. Это миг, когда путник втыкает косу в межу, снимает с плеч тяжёлый холщовый мешок и в первый раз за долгие десятилетия расправляет усталые плечи, чтобы просто взглянуть на небо.

На закате меняется сам воздух вокруг человека. Всё наносное, мелкое, суетное, из-за чего ломались копья на тор-

жищах и кипели пустые споры за столами, вдруг теряет всякий вес. Золото больше не греет остывающие ладони. Чужие похвалы и чины не защищают от вечерней прохлады. Земной мир словно делает шаг назад, растворяясь в мягких сумерках, и обнажает перед человеком единственную подлинную реальность — его обнажённую Душу.

Закат земного дня дан человеку как великое милосердие. Это время, когда замедляется ход плотного времени, чтобы ум успел опомниться от горячки дел, распутать застарелые узлы обид, примириться с ближними и направить внутренний взор туда, где за чертой угасающего дня уже разгораются немеркнущие звёзды Пращуров.

Голос Рода:

Не оплакивай уходящий свет полудня, Мой труженик.

Разве путник проклинает вечер, принёсший долгожданную прохладу на его раскалённое чело? Разве жнец скорбит о том, что коса закончила свой размах и наступила пора сложить снопы на телегу?

Закат — это не гибель Солнца. Это смена твоего дозора. Ты честно вспахал свою борозду в Яви, накормил своих детей плодами своего пота и удержал рубеж чести.

Сядь на завалинку отчего дома. Отри пот с уставшего лица. Посмотри, как красиво гаснет этот земной

вечер. Твой закат на Земле — это лишь заря, разгорающаяся над Моими вечными дубравами. Входи в сумерки спокойно: тропа выведет тебя к свету.

ГЛАВА 1

УГАСАНИЕ ПЛОТИ: КАК ТЕЛО ГОТОВИТСЯ ОТПУСТИТЬ ДУШУ

Тело человека — не темница и не случайная оболочка, из которой дух мечтает вырваться в презрении. Всякий, кто держал в руках топор, направлял плуг или вёл тяжёлый воз сквозь ночную пургу, знает: плоть — это верный, преданный конь, данный всаднику для долгого перехода через каменистую степь Яви. Она терпела стужу, сносила ссадины и раны, обливалась потом в трудах и позволяла обнимать любимых. Но у всякого земного похода есть свой предел. И когда тропа упирается в край поля, конь затихает, а всаднику надлежит спешиться с честью и благодарностью.

Угасание плоти — не внезапный обвал в бездну. Это древний, выверенный до крупницы природный чин, заложенный в само вещество мира. Когда земная мера исчерпана, Жива — первозданная жизненная сила — начинает неслышно сворачивать свои огни.

Первой остывает окружность. Кровь, десятилетиями согревавшая кончики пальцев и ступни, стягивается ближе к истоку — к груди и челу. Руки и ноги наливаются тяжестью,

становясь неподвижными, словно речные камни, уходящие в песок. Земля медленно забирает обратно то, что одолжила на срок земного странствия: соли, влагу, глину, костную крепость. Плотность возвращается к плотности, повинувшись изначальному уговору.

В эти часы окружающий мир Яви меняет свои свойства. Внешний шум — скрип половиц, говор домочадцев у печи, свист ветра за закрытыми ставнями — начинает звучать глухо, будто доносится со дна глубокого колодца или сквозь толщу спокойной озёрной воды. Зрение плоти затуманивается: яркие краски дня блекнут, уступая место ровному, мягкому пепельному полумраку.

Но это угасание внешних чувств — великое милосердие Творца. Притупляя телесный слух и зрение, природа обрывает тысячи мелких нитей, которыми ум ежесекундно привязан к земной суете: заботы о хлебе, страх перед недугом, ломоту натруженных суставов, суету нерешённых споров. В этой наступающей тишине впервые просыпается истинный внутренний слух. Угасающий человек может не расслышать громких слов у своего изголовья, но он с пугающей ясностью начинает воспринимать невысказанные мысли, затаённый вздох стоящего в дверях сына или немую тоску жены.

Голос Рода:

Не оплакивай немощь остывающих рук, Мой труженик.

Твоё тело честно выдержало весь назначенный путь. Оно не подвело тебя в непогоду, держало удар, когда казалось, что сил больше нет, и честно платило своей кровью за каждый твой земной выбор. Поклонись этой плоти до земли. Огладь натруженные персты с лаской и уважением — как мастер гладит добрый верстак перед уходом на покой.

Но не держись за осыпавшийся кров. Когда крыша прохудилась, а стены пропускают студёный ветер, не чинят избу заново — хозяин собирается в путь, туда, где ждёт новый очаг.

Отпусти тяжесть земли. Материя возвращается матери-Земле, чтобы взойти ковылём в степи, стать корой сосны или прозрачной росой на рассвете. А ты — сделай вдох. За остывающим порогом плоти тропа только начинается.

Когда внешние покровы затихают, наступает пограничный покой. Дыхание становится редким, прерывистым, словно путник делает глубокие паузы между шагами на крутом подъёме. Душа ещё связана с грудью тонким биением затухающего сердца, но её крылья уже расправляются в полумраке.

Плотская работа окончена. Впереди — работа ума и па-

МЯТИ.

ГЛАВА 2

РАСПУТЫВАНИЕ УЗЛОВ: ОСЛАБЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ УМА С ЗЕМНЫМ МИРОМ

Сложнее всего оставляет тело не остывающая кровь и не слабеющая плоть. Дольше всех и яростнее всех сопротивляется земной ум — многолетний управитель плотных дел, зодчий человеческих страхов и ревностный страж накопленного добра.

Тело уже готово сложить оружие и отдаться природному покою, но ум продолжает метаться. Всю земную жизнь он привык держать поводья: считать прибыли и убытки, проверять запоры на дверях, выстраивать защиты от чужих взглядов, отстаивать своё первенство в спорах. Для ума признать конец земного дня — значит расписаться в собственном бессилии.

Когда дыхание уходящего становится прерывистым, в глубинах его угасающего сознания начинается великая ревизия. Этот чин подобен распутыванию старой рыболовной сети, зацепившейся за коряги на речном дне. Ум судорожно перебирает незавершённые дела: брошенные на полуслове тяжбы, невыплаченные долги, не построенные до холодов амбары, спрятанное серебро или затаённые обиды, которые человек лелеял годами.

Человек, проживший жизнь ради обладания и внешнего величия, мечется на этой меже сильнее прочих. Ему мнится, что с потерей власти над вещами и людьми исчезает само его бытие. Он пытается ухватиться мыслью за ключи, бу маги, границы своих наделов. Это сопротивление порождает тяжёлый, мятежный бред: умирающий требует одеть его в дорогу, пытается встать на непослушные ноги, зовёт батраков или отдаёт приказания в пустоту остывающей комнаты. Его ум держит канаты, не понимая, что ладья уже отчалила от пристани.

Но совсем иначе протекает распутывание узлов у того, кто в суете Яви успел познать цену подлинному.

Такой путник обращает последние силы не на удержание тлена, а на внутреннее примирение. В эти предрассветные мгновения вечности теряют значение громкие мирские триумфы, звон заработанной монеты и похвалы льстецов. На поверхность поднимается то, что осталось между человеком и людьми незавершённым:

— долг, который он обещал вернуть, но так и не вернул;

— рука помощи, которую когда-то отверг из гордости;

— обида, годами хранимая на того, кого давно следовало простить;

— просьба о прощении, которую не решился произнести;

— и горькое, несправедливое слово, брошенное сгоряча любимому человеку и до сих пор жгущее грудь застарелым рубцом.

Душа инстинктивно начинает сбрасывать балласт. Она спешит простить тех, на кого держала глухую обиду, и беззвучно молит о прощении тех, кого вольно или невольно ранила сама. Там, где совершается этот внутренний поклон, узлы развязываются сами собой — легко, словно распускается шёлковая нить.

Дыхание такого человека выравнивается, сведённые скулы разглаживаются, а на челе проступает печать глубокой, нездешней ясности.

Голос Рода:

Узел, завязанный гордыней, не разрубить земным мечом — его развязывают только смирением.

Пока ты сжимаешь кулак, пытаясь удержать песчинки своего земного достатка, твоя ладонь закрыта. А в Мои чертоги невозможно войти со сжатыми кулаками — туда входят с открытыми ладонями, готовыми принять чашу нового пути.

Отпусти всё, что держал силой. Ни один ломоть хлеба, ни один сундук, ни одно чужое раболепство не

пересечёт порог вместе с тобой.

Оставь прах — праху. Всё, что останется от твоих земных борений, — это след, выжженный в твоём сердце: либо холодная накипь непрощённой злобы, либо чистый огонь подаренной любви. Сделай

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.